

DOI 10.35775/PSI.2025.118.6.009

УДК 323.041.08:712.422

Д.А. РАЗИНКОВ

аспирант кафедры философии политики
и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: razinkoff.danil@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Традиционные исследования политической культуры как правило посвящены выявлению политико-культурных характеристик населения в масштабах регионов, национальных государств или глобальных регионов. Так, в образцовый «канон» подобных исследований входит исследования Алмонда и Вербы среди 5 национальных государств, сравнительный анализ регионов Италии Роберта Патнэма, а также культурные исследования Инглхарта или Хантингтона – отдельный город редко становится объектом применения политико-культурной концепции. При этом урбанистика как комплекс дисциплин, объектом исследования которых является город, является подробно разработанной и даже мейнстримной областью в современных социальных науках. Применение политико-культурного подхода к анализу городской жизни кажется перспективным в силу его интерактивности, возможности анализа как структурно-институциональных, так и культурно-поведенческих факторов, которые являются подробно разработанными в современной урбанистике.

Ключевые слова: история политологии, культурология, структурный функционализм, антропология, урбанистика, городская политика, городская политическая культура.

Введение. В статье будет предпринята попытка применения концепции политической культуры к изучению современного города. Для этой цели необходимо: во-первых, описать теоретическую модель понимания политической культуры, исходя из более чем 60-летней истории ее концептуального развития; во-вторых, выявить онтологические основания современного урбанизма и, наконец, описать влияние городских атрибутов на формирования и условия существования политической культуры. Важно отметить, что под политико-культурной традицией понимается развитие конкретной концепции политической культуры, берущей начало с работы Алмонда и Вербы «Гражданская культура». Это замечание важно в связи с широким и скорее вульгарным хождением словосочетания «политическая культура» без связи с оригинальным теоретическим контекстом. Как остроумно замечал Роберт Далтон: «Измерение политической культуры стали сравнивать с приколачиванием желе к стене, имея в виду, что данному понятию не хватает точности, и оно является скорее субъективной, стереотипизированной характеристикой нации...» [7. С. 322].

Концептуализация понятия «политическая культура» в политической науке связана прежде всего с именами Габриэля Алмонда и Сидни Верба и их работой «Гражданская культура» [1]. Сразу заметим, что Алмонд уже упоминал это понятие в 1956 году в своей сольной статье [20. Р. 130-146], однако концептуальную проработку и широкое распространение концепция получила в «Гражданской культуре». Взяв понятие «культура» для «обогащения» концепции из смежных дисциплин [1], под влияние бихевиорального методологического подхода, авторы дают следующее определение понятию в структурно-функциональном духе: «специфическое распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам [...] предстает в виде частоты различных видов когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций по отношению к политической системе в целом, к ее аспектам на «входе» и «выходе», а также к себе как политическому актору» [1]. Эмпирическое исследование этих ориентаций происходила с помощью количественных методов, на основании чего была составлена типологизация политических культур.

Материалы и методы исследования. Сразу после появления, концепция стала подвергаться обильной критике. Основные направления критических замечаний касались широты понятия «культура», нормативного уклона концепции и разделения политических режимов «на правильные и неправильные», количественной методологии и ее способности зафиксировать сложные элементы политического сознания, а также низкой прогностической силы теории. Эта уязвимость концепции положительно повлияла на динамику и развития и адаптации к новым эмпирическим и теоретико-методологическим условиям. Так, дальнейшая теоретическая и методологическая разработка концепции привела к появлению ряда подходов к пониманию и изучению политической культуры, которые далее будут описаны в хронологическом порядке. Среди основных подходов перечислим субъективистский, интерпретационный и интегративный подходы, а также опишем «непрофильные» исследования, которые напрямую не связаны с концепцией «политической культуры», но раскрывают особенности ее формирования и казуальной связи с другими областями жизни общества.

Итак, субъективистский подход появляется прежде всего в советологии ввиду недоступности социалистических обществ для количественной методологии, а также упадка бихевиорального подхода в политической науке в 1970-х годах. Среди значимых представителей подхода можно назвать А. Брауна и С. Уайта, авторов работ «Советская политика и политическая наука» [21] и «Политическая культура и советская политика» [28]. Так, Браун, исследуя политическую культуру Советского Союза, расширяет объект эмпирического исследования и предлагает обратиться к тексту – анализирует актуальные художественные произведения, мемуары, образовательные документы, вторичные данные опросов. Уайт предлагает рассматривать историю страны в целом как объяснение особенностей ее политической культуры. Так, авторы расширяют методологию исследования и включают в ее объект текстовые данные и историю, выводя политическую культуру из «психологического плена» ее понимания как конфигурации

ориентаций индивида. При этом влияние субъективных установок исследователя становится неконтролируемым, что противоречит изначальному позитивистско-бихевиоральной амбиции концепции Алмонда и Вербы.

Результаты и обсуждение. Следующий подход сформировался под влиянием антропологического подхода Клиффорда Гирца и соответственно имеет интерпретативный характер. Тут культура понимается [6. С. 171-200] как сеть смыслов, созданные самим человеком и требующие интерпретации, а не экспериментального анализа. В центре подхода – значения символов и культурных образцов, встроенных в общественную символическую систему. По мнению [15] Н. Петро, передача политических ценностей через символы становится формой политической связи, а ее изучение позволяет рассматривать политическую культуру в терминах контекста и значений. Задачей исследователя тут становится интерпретация смыслов и символической системы, стоящей за политическим сознанием и поведением. К проблемам подхода относится все та же субъективность, сложность эмпирической проверки выводов, риск отрыва от реальных политических процессов. Среди достоинств – политическая культура включается в широкий культурный контекст, внимание к реально наблюдаемому поведению, его причинам и смыслу, а также динамичность, поскольку значение символов меняется в разные периоды и для разных групп.

Последний комплексный подход, который рассмотрим – интегративный – был изложен в работе Стивена Уэлча «The theory of political culture» 2013 года. Примечательно, что в 1993 году у того же автора выходила работа с похожим названием «The concept of political culture» [26. Р. 22]. Если в своей первой работе Уэлч стоит скорее на интерпретивистских позициях, то в труде 2013 года, после подробного теоретического исследования с привлечением аргументов из смежных областей, в частности из философии и социальной психологии, Уэлч предлагает интегративный подход. Основной элемент этого подхода – это подробно проработанное и философски аргументированное понимание онтологии культуры как таковой и политической культуры. Так, Уэлч пишет [27. Р. 1-24] о дуальной онтологии культуры, выделяя практическое и дискурсивное измерение, которые связаны, но не сводимы друг к другу. Описывая практическое измерение, Уэлч опирается на концепцию неявного знания Майкла Полани и идеи Людвиг Витгенштейна о практических способностях следования правилам. Так, в результате социализации, обучения, повторения и т.д. человек приобретает конкретные телесные и интеллектуальные навыки, привычки или т.н. телесные предрасположенности, которые укоренены и обуславливают политическое поведение. Такое поведение часто являются неартикулируемым или трудно поддающимся словесному описанию и не сводится к знанию каких-то конкретных явных правил. Это можно сравнить с тем, как невозможно в повседневном языке объяснить телесный навык умения езды на велосипеде.

Дискурсивное же измерение культуры, в отличие от практического – явное, и артикулировано в языке, канонах, системе норм и правил, и обоснований [27] – почему я так поступил или подумал, как я объясняю свое поведения и т.д. Причем

дискурсивная измерение действует через общественный консенсус – то есть правила и нормы сами по себе не детерменичны, а закрепляются путем взаимодействия исполнителей этих правил и поддерживаются санкциями или общественным контролем. Взаимодействие двух культурных измерений Уэлч описывает [27] как дискурсивную констатацию явлений и последующая к ней адаптация исполнителей. Причем практические навыки обладают устойчивостью и резкое появление дискурсивных явлений влечет за собой процесс практической инерции. Таким образом, Уэлч снимает структурно-поведенческое противоречие выделяя двойственную онтологию политической культуры, открывает возможность применения как позитивистской методологии или интерпретации значений, так я прямое наблюдение за поведением, подход открыт к изучению как устойчивости социальной системы, так и процесса ее изменения.

Среди критики политической культуры, особенно применительно к изучению городов, отметим такие аспекты как слабая связанность с социально-экономическими факторами, как будто эти условия не влияют на политическое поведение и установки, а также слабая роль институтов. При анализе этих аспектов нельзя не упомянуть работы, которые прямо не связаны с политологической концепцией политической культуры, но фиксируют каузальную связи между политической и другими сферами общественной жизни. Так, Рональд Инглхарт описал каузальную связь между социально-экономическим фактором и культурно-ценностным, зафиксировав, что рост общественного благосостояния приводит к ценностному сдвигу от «материалистических к постматериалистическим ценностям» [22]. Взаимовлияние между институтами, историей и социально-политическим контекстом устанавливает Роберт Патнэм – институты эффективны в «гражданственно-развитом» социальном контексте, что обусловлено историей [14], а изменения в политическом поведении также происходят под влияние социальных институтов [14].

Рассмотрев концептуальную рамку анализа политической культуры, рассмотрим город как объект применения этой рамки. Важно в первую очередь выделить основные атрибуты, которые определяют городскую онтологию. Обращаясь к классикам городской теории, можно выделить множество определений того, что такое город: Макс Вебер выделял [4] пространственные, количественные, социологические (отсутствие личного знакомства с большей частью жителей), экономические характеристики города; Луи Вирт [29] писал о размерах, плотности и гетерогенности; Стив Пайл [24] добавляет к этому коммуникационные сети; Георг Зиммель [9. С. 23] выделяет психологические аспекты (отстраненность, одиночество), а Мамфорд [23] пишет о гражданской ассоциации за пределами родственных связей. Синтетически город можно определить как многослойное, динамичное образование, характеризующееся плотностью населения, социальной и культурной гетерогенностью, развитыми сетями коммуникации и взаимодействия. Он является местом, где переплетаются различные формы человеческой деятельности и институты, порождая уникальные социальные, экономические, политические и культурные явления.

Говоря о теориях, описывающих город в социальных науках, одна из последних работ, которая содержит обзор основных концепций современного урбанизма – труд д.с.н. Вершининой Инна Альфредовны «Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века», где автор предлагает следующие группы теорий: культурно-исторические, интеракционистские, глобалистские и морфологические. Культурно-историческая группа теорий включает концепции таких авторов как Анри Лефевра, Ричарда Сеннета и Йорана Терборна. Специфика этих концепций отражена в названии – авторов интересует механизм воспроизводства и поддержания образцов в городском пространстве, путем передачи из поколения в поколение. Город тут выступает как символическое пространство, через которое та или иная эпоха транслирует т или иные идеи. В интеракционистскую группу теорий автор включила Льюиса Мамфорда, Джейн Джейкобс и Яна Гейла, в фокусе которых оказывается связь городского пространства, сообществ и качества жизни. Глобалистская группа теорий включает в себя идеи Мануэля Кастельса, Дэвида Харви и Саскии Сассен – предметом их анализа является процесс изменения городов под влиянием экономики, политики и технологий. В морфологическую группу вошли работы Эдварда Сойи, Жана Готтмана и Параг Ханна и их теории, которые касаются городских пространственных форм и способов расселения людей.

Исходя из подходов к определению города и вышеперечисленных теорий, выделим онтологические характеристики города или типы характеристик, которые влияют на формирование и функционирования политической культуры. Итак, среди основных городских характеристик выделим следующие: пространственные, политико-административные, экономические культурно-исторические и экономические. Ниже представим описание и обоснование выбора этих онтологических характеристик города, рассмотрев их с точки зрения интегративного дискурсивно-практического подхода к политической культуре Стивена Уэлча.

Итак, пространственная организация города, включая планировку и формат застройки, влияет на характер социальной интеракции и доступность публичных пространств, тем самым формируя условия для политической мобилизации и гражданского участия. Говоря о теоретическом осмыслении влияния планировки на городскую жизнь стоит перечислить Анри Лефевра с его пространственной триалектикой, разделяющее пространство на воспринимаемое (физическое), представляемое (карты и схемы) и проживаемое (повседневный опыт). Амин и Трифт пишут [2] о влиянии планировки на социальную интеграцию. Йоран Терборн отмечает [18], что именно власть оформляет социальные отношения города с помощью пространственного планирования. Более того, само городская планировка, как пишет Григорий Ревзин», является манифестацией власти: «Само прорезание городской ткани прямыми есть прямое насилие [...] проспект – это место, где вы со смущением обнаруживаете в себе родство с абсолютной властью. Конструкция математических координат, логика и иерархия

ценностей, рисунок Разума – это то, что делает нас людьми. Проспект – это манифестация супер-эго города» [16].

Формат застройки, который касается типа жилья, его плотности и высотности, как пространственный городской фактор подробно описывает Джейн Джейкобс. В своей «Жизни и смерти больших американских городов» автор выявляла [5] взаимосвязь между типом застройки и такими социальными эффектами как безопасность, социальная интеграция, интенсивность социальных взаимодействий, политизируя процесс городского планирование «снизу». Ян Гейл с критических позиций также подходит [5] к анализу городского пространства и застройки, описывая т. н. «жизнь между зданиями» – уличное взаимодействие и активность является центром жизни города, исходя из чего планирование и застройка города исходит из принципа «город для человека», а не для машин, потребностей бизнеса, что является предметом политической воли.

Рассмотрим городскую пространственную характеристику как фактор формирования и проявления политической культуры. Так, город в своем материальном выражении является пространственным явным городским дискурсом – городское планирование и формат застройки напрямую задают правила городской жизни. В этом дискурсивном измерении, по Уэлчу, планировка явно задает законы политического поведения – площади являются естественными местами городской политической активности, а центральные проспекты – места проведения парадов, манифестаций, шествий и т.д. Городские пространства могут быть ограничены для доступа (элитные районы или административные пространства) или быть отдаленным от основной части города, что имеет следствие политическую поляризацию. Это же касается и формата застройки, которая может вести к социально-политической дезинтеграции. Практическое измерение городского пространства выражается в конкретных привычках его использования, подчинение или неподчинение формальной городской логике. Сюда можно отнести неявное знание города, обход мест административно-общественного контроля. Борьба с городской застройкой, отстаивание общественных пространств и участие в их благоустройстве можно представить как точкой пересечения дискурса и практики, когда практическая инерция навыков использования общественных пространств явно сопротивляется дискурсу развития городской инфраструктуры «сверху» – подобный практики подробно описаны в работе «Urban commons» [8].

Следующая группа характеристик, напрямую касающаяся политической сферы жизни города – политико-административная. В эту группу включим как верхнеуровневые факторы, такие как политический режим страны, форма государственного устройства, а также место города в государственном политическом процессе или просто административный статус города. На городском уровне к политической характеристике города, собственно, относится городской политический режим. Влияние этих факторов определяется распределением власти, доступом к ресурсам и возможности для политического участия.

Город является элементом административной системы государства и существуют в рамках единой юридической национальной повестки, которая задает формальные нормативно-правовые рамки общественной жизни. Политический режим страны оказывает определяющее влияние на политическую культуру городов, поскольку задает фундаментальные принципы взаимодействия власти и общества. Он устанавливает формальные и неформальные «правила игры» в политической сфере, определяет степень допустимой конкуренции и организованного политического участия, регулирует доступ к политической информации, способ взаимодействия государства и общества, а также влияет на распределение властных полномочий между разными уровнями управления (центральная, региональная, местная власть), что определяет степень автономии городов в принятии решений и возможности горожан влиять на местную политику. Так, политический режим создает структурные рамки для развития политической культуры городов, определяя допустимые формы политического участия, характер взаимодействия граждан с властью и формирование политических представлений и ожиданий.

Форма государственного устройства, будь то унитарное, федеративное или конфедеративное, также играет важную роль в формировании политической культуры городов. Она определяет распределение властных полномочий между центральной и местной властью, влияя на степень автономии городов в принятии решений и уровень влияния горожан на политические процессы. Административный статус города – еще одна важная характеристика, определяющая место города в системной государственной иерархии власти и распределении ресурсов. Столицы и крупные региональные центры, как правило, имеют больший доступ к ресурсам и возможностям для влияния на политические решения, что формирует более «политизированную» культуру в смысле ориентации на верхнеуровневые политические национальные вопросы, в отличие от малых городов, где возникает собственная «оторванная» политическая повестка.

Наконец, к политико-административной характеристике отнесем городскую власть. Одна из наиболее популярных концепций городской политической власти – концепция «городских режимов» Кларенса Стоуна, которую он представляет в своей работе «Режимная политика» [25]. Собственно, городской политический режим определяется как «коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление сообществом» [10], куда входит бизнес, НКО, профсоюзы и т.д. с целью ресурсной аккумуляции. На формирование и устойчивость политического режима влияют как структурные факторы, (уровень организации, ресурсы и т.д.), так и такая политико-культурная специфика как общественная поддержка (особенности электората, его социального положения и имеющихся запросов). Взаимовлияние институциональных и политико-культурных характеристик также исследовано Патнэмом в его вышеупомянутом исследовании [14].

Итак, политико-культурный анализ политико-административной сферы городской жизни в своем дискурсном измерении касается нормативно-правовой

системе города, который является частью общегосударственного контекста, в степени городской автономии и субъектности при принятии решений, что зависит от политического режима, государственного устройства и места города в национально-административной системе. Политическая культура обуславливается и конкретно сложившимся городским режимом, интересами агентов с доступом к властным ресурсам. Кроме того, в дискурс входит оппозиционная повестка, разговоры людей о политической сфере и т.д. К практическому измерению относятся повседневные практики взаимодействия с властью (как получают разрешения, как пишут жалобы), какие есть неформальные практики обхода дискурсных ограничений (коррупция, неформальные связи), участие в политических процессах, устойчивые политические привычки – например, традиционное голосование за определенную партию, сопротивление участию в политических процессах («за нас уже решили») или наоборот и т.д. В целом, можно сказать, что на пересечении дискурса и практики в политико-административной сфере лежит феномен легитимации.

Следующая важная характеристика – экономическая. Экономическая структура города, включая специализацию и степень интеграции в глобальную экономику, формирует социально-экономический ландшафт, определяя интересы различных групп и, следовательно, влияя на политическую повестку. Взаимосвязь городской экономической специализации с политическо-социальной сферой подробно рассматривает Майкл Сторпер в своей книге «Ключи от города. Как устроено развитие?» [17]. Специализация, по Сторперу, выступает ключевым фактором, определяющим экономический профиль города и его место в глобальной системе разделения труда. Концентрация определенных отраслей и видов деятельности формирует специфическую структуру рынка труда, уровень заработной платы, а также влияет на формирование политических коалиций и социальных групп. Включение города в глобальную экономику добавляет еще один слой сложности в эти взаимосвязи.

Сторпер также отмечает [17], что глобализация, с одной стороны, стимулирует экономический рост и расширяет доступ к новым технологиям и рынкам, а с другой – усиливает конкуренцию и может привести к потере рабочих мест в традиционных отраслях. Это создает новые вызовы для городской политики, которая должна быть направлена на адаптацию к изменяющимся условиям глобальной экономики и смягчение негативных последствий глобализации для местных сообществ. Эффекты от включенности городов в глобальную экономику отмечали также следующие авторы: изменение социальной структуры и повышение неравенства в глобальных городах описывала [5] Сассен, о росте влияния экономических элит в глобальных городах писал [5] Харви, о повышении социально-политической активности в связи с неравенством и «борьбой за справедливость» упоминал [5] Кастельс.

Говоря о дискурсивной стороне влияния экономической сферы на политическую культуру отметим, что экономическая политика является одним из основных инструментов политической борьбы – государственное распределение

бюджета и городская бюджетная политика. О благосостоянии и политических ценностях подробно пишет Инглхарт, о чем уже упоминалось выше. Рынок труда и структура занятости также явный дискурсивный признак, напрямую влияющий на неравенство и дальнейшую социально-политическую поляризацию. Практическая сторона может касаться процесса радикализации, изменению в привычках потребительского поведения, появления стратегий выживания, неформальной занятости, преступности, миграционных стратегиях и т.д. Так, объективное экономическое положение людей может влиять на их навыки и привычки и наоборот – политические дискурсы могут быть отражением экономических интересов групп или быть признаком классовой или профессиональной идентичности.

Наконец, перейдем культурно-символической характеристике города, широкой городской культуре, частью которой является и культура политическая. Следуя идеям [12. С. 30-45] Ю.М. Лотмана, можно рассматривать город как сложную семиотическую систему, наполненную разнообразными текстами и кодами, которые взаимодействуют и создают культурные значения, влияющие на формирование политических идентичностей, ценностей и практик горожан, а, следовательно, и на специфику городской политической культуры. Для анализа влияния культурно-символических характеристик на городскую политическую культуру наиболее подходящей кажется концепция коллективной или культурной памяти М. Хальбвакса [19. Р. 89-104] и Яна Ассмана [3]. Так, проявление культурной города памяти можно рассматривать на нескольких уровнях: культурно-нарративном, который выражен в литературных, исторических и мифологических системах; социальном – ритуалы, городские традиции и повседневные практики и артефактным – значимые семиотические средовые артефакты, представленные городскими архитектурными и природными символами.

Как пример влияния культурной памяти на идентичность и политическую культуру можно привести Санкт-Петербург и вышеупомянутое исследование [12] Ю.М. Лотмана. Так, литературное наследие Пушкина, Гоголя и Достоевского формируют, городские легенды (Петр I, Медный всадник, наводнения) формируют «петербургскую» идентичность. Власть воспринимается как отстраненная сила, подобная стихии; мифологизация города порождает чувство его отличности от России, способствуя политической обособленности и специфической городской политической идентичности. Говоря о влиянии исторического нарратива, наиболее показательным нарративом является Блокада Ленинграда, ставшая травматическим опытом коллективной памяти, также глубоко влияет на политическую культуру современного Петербурга. Героизация стойкости жителей блокадного города формирует особый моральный императив, влияющий на политические дискуссии и оценки.

Говоря, собственно, о социальном уровне, который проявляется в конкретных социальных практиках, ритуалах и взаимодействиях, в качестве устоявшейся городской практики во многих городах приведем пример первомайской демонстрации. Так, зародившаяся как форма протестной борьбы за расширение

прав широких социальных групп, первомайская демонстрация стала устойчивым социально-политическим ритуалом в странах, прежде всего, социалистического блока. Колонны демонстрантов транспаранты с привычными лозунгами и так далее – устоявшиеся элементы этого социального ритуала. Этот городской ритуал формирует [13. С. 204-221] культуру «доступа» широких слоев к городскому пространству, ценностной трансляции, солидаризации и единения широких городских масс.

Наконец, рассмотрим артефактный уровень, когда конкретные реальные физические объекты городской среды несут символическую нагрузку, которая может влиять на политическую динамику и является семиотическим элементом городской политической культуры. Йоран Терборн выделяет [18. Р. 391-409] две функции архитектуры: эстетическую и политическую – последняя проявляется в выражении «грамматики власти», с чем связаны монументальность властных и административных городских зданий. Наиболее очевидный пример значения городских артефактов для политической культуры – памятники. Так, феномен стихийного сноса памятников во время политических акций или т.н. «политика памяти» демонстрирует их важное символическое значение подобных объектов, снос памятника становится политическим жестом.

Так, очевидным дискурсивным измерением культурно-символической городской черты являются городские нарративы, которые формируют городскую память и идентичность. Репрезентация города в СМИ, литературе, кино и т.д. влияет на его восприятие и влияет на формирование специфической идентичности, в том числе и политической. Дискуссии о культурном наследии, ценностях, мультикультурализме, той же идентичности отражают разные точки зрения на городскую жизнь и могут точкой приложения политической борьбы. Так, культура становится полем политической борьбы, различные культурные группы могут бороться за право на репрезентацию своей повестки. На пересечение культурно-символического дискурса и практики формируется городская идентичность.

Выводы. Таким образом, город представляет собой сложную систему, в которой переплетаются пространственные, политико-административные, экономические и культурно-символические факторы, которые влияют на формирование и функционирование городской политической культуры. Применение интегративного подхода к пониманию политической культуры, с учетом ее дискурсивного и практического измерений, позволяет увидеть, как городская среда, институты, экономические процессы и культурные нарративы формируют политические установки, практики и идентичности горожан. Пространственная организация города создает условия для политической мобилизации и участия, политико-административная структура определяет распределение власти и доступ к ресурсам, экономическая специализация формирует интересы различных групп, а культурно-символические характеристики влияют на идентичность и ценности. Взаимодействие этих факторов создает уникальный контекст для развития политической культуры каждого города, определяя специфику

взаимодействия власти и общества, формы политического участия и характер политических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алмонд Г., Верба С.** Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. Москва: Мысль, 2014.
2. **Амин Э., Трифт Н.** Города: переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017.
3. **Ассман Я.** Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. **Вебер М.** Город. М.: Strelka Press, 2017.
5. **Вершинина И.А.** Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века: дис. д. с.н. наук: 22.00.01. М., 2022.
6. **Гирц К.** «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб: Университетская книга, 1997.
7. **Далтон Р.Д.** Сравнительная политология: микроповеденческий аспект // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
8. **Делленбо М., Кип М., Мюллер А.** Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
9. **Зиммель г.** Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3-4 (34).
10. **Ледяев В.Г.** Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
11. **Лефевр А.** Производство пространства / Пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015.
12. **Лотман Ю.М.** Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного Университета. Труды по знаковым системам. 1984. № 18.
13. **Мостицкая Н.Д., Митасова С.А.** Первомайский праздничный парад как феномен культуры // Художественная культура. 2023. № 4.
14. **Ревзин Г.И.** Как устроен город. 36 эссе по философии урбанистики. М.: Strelka Press, 2019.
15. **Сторпер М.** Ключи от города: как устроено развитие? / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2018.
16. **Терборн Й.** Города власти. Город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В. Данилова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
17. **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007.

18. **Almond G.** Comparative Political Systems // The Journal of politics. 1956. Vol. 18. No. 3.
19. **Brown A.** Soviet Politics and Political Science. N.Y., 1974.
20. **Inglehart R.F.** Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. № 1-2.
21. **Mumford L.** The Culture of Cities. NY: Open Road, 1938.
22. **Pile S.** Real Cities: Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life. SAGE, 2005.
23. **Stone C.N.** Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
24. **Welch S.** The concept of political culture. N.Y.: St. Martin's Press, 1993.
25. **Welch S.** The theory of political culture. Oxford University Press, 2013.
26. **White S.** Political Culture and Soviet Politics. N.Y., 1979.
27. **Wirth L.** Urbanism as a way of life // Amer. J. of sociology. Chicago, 1938. Vol. 44. № 1.

D.A. RAZINKOV

Postgraduate student of the Department of Philosophy of Politics and Law of the Faculty of Philosophy Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

POLITICAL CULTURE OF THE MODERN CITY: THEORETICAL FOUNDATIONS

Traditional studies of political culture are usually devoted to identifying the political and cultural characteristics of populations across regions, nation-states, or global regions. Thus, the exemplary «canon» of such studies includes the studies of Almond and Verba among 5 national states, a comparative analysis of the regions of Italy by Robert Putnam, as well as cultural studies by Inglehart or Huntington – an individual city rarely becomes the object of application of a political and cultural concept. At the same time, urban studies as a complex of disciplines, the object of which is the city, is a well-developed and even mainstream field in modern social sciences. The application of a political and cultural approach to the analysis of urban life seems promising due to its interactivity, the possibility of analyzing both structural-institutional and cultural-behavioral factors that are elaborated in detail with modern urbanism.

Key words: history of political science, cultural studies, structural functionalism, anthropology, urban studies, urban politics, urban political culture.